

1. МЕСТО ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

1.1 ОБЩЕСТВО И КОММУНИКАЦИЯ

От животных отличается человек (кроме некоторых других признаков) членораздельной речью. То немногое, что животные, „даже наиболее развитые из них, умеют сообщить друг другу, может быть сообщено без помощи членораздельной речи“ (Энгельс 1955:135).

Самое простое организованное общество нуждается хотя бы в самой элементарной согласованности действий, которая невозможна без определённого контакта между отдельными членами данного общества. Обмен информацией осуществляется до известной степени даже у животных, а именно при помощи двигательных сигналов (жестов) и звуковых сигналов (большая часть нечленораздельных звуковых комплексов). Обязательные, осязательные или другие типы сигналов несут, как правило, очень малое количество информации.

Объём передаваемой информации у животных сильно ограничен. Только у человека в процессе планомерной организации труда в течение тысячелетий выработалась сложнейшая коммуникативная система в форме членораздельной речи. До недавнего времени наиболее актуальным понятием, вызывающим споры среди лингвистов, было понятие языка, иногда также понятие речи. В настоящее время всё чаще осознаётся необходимость в более широком толковании проблемы языка, а именно с точки зрения функционирования языка в процессе коммуникации (Malinberg 1963, Miller 1968 и др.). Под коммуникацией не следует понимать простой перенос информации; так напр. такие технические устройства как телефон или телеграф не являются коммуникативными системами в нашем понимании, так как ни телефон, ни телеграф сами по себе не включают партнёров коммуникации. Но два человека, разговаривающие друг с другом, представляют коммуникативную систему, так как при их разговоре реализуется „связь двух партнёров, в процессе осуществления которой передаётся сообщение от одного партнёра к другому, в результате чего могут измениться действия того партнёра, который принял сообщение“ (Жинкин 1965:7).

1.2 ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА

Прямой обмен информацией невозможен: люди не могут читать мысли друг у друга.

Единственная возможность передачи информации от одного члена коллектива к другому заключается в передаче доступных восприятию сигналов, напр. жестов, звуков, картин и т. д. В знак согласия мы можем напр. кивнуть головой или сказать *Да*, в знак несогласия мы можем отрицательно покачать головой или сказать *Нет*.

Перенос информации осуществляется при наличии двух условий:

- 1) сигнал воспримется чувствами (зрением, слухом) собеседника,
- 2) с сигналом (кивок головой, комплекс звуков и т. п.) ассоциируется одно и то же значение у отправителя и получателя информации.

Перенос информации не осуществляется, если собеседник не увидит кивка, или не воспримет слухом, произнесённый говорящим комплекс звуков (не выполнено первое условие). Перенос информации нарушится, если получатель, воспринявший сигнал, напр. комплекс звуков, не знает с каким значением данный сигнал ассоциировать. Подобным образом нарушится перенос информации, если с зрительным сигналом, напр. кивком головой, связаны разные значения в мысли передатчика и получателя (болгары, например, кивают головой в знак несогласия).

Перенос информации осуществляется при помощи знаков, носящих двусторонний характер. (Hjelmslev 1943, Звегинцев 1956 и др.) Знак может служить средством коммуникации только при наличии:

- а) материальной оболочки (акустической, зрительной), воспринимаемой человеческими органами чувств (слухом, зрением);
- б) условного значения, известного для всех участвующих в коммуникации индивидов.

Материальная оболочка слова (предложения и т. д.) называется выражением; ассоциированное с ней условное значение называется содержанием.

Ряд звуков, например *воо-ооо*, *мам-з-ам-и*, *чичечача* не есть слова русского языка, не есть знаки, потому что у них выполнено только одно условие: наличие материальной оболочки, но не выполнено другое: с ними не ассоциируются никакие общепризнанные значения.

С другой стороны нельзя отрицать, что в русских предложениях *Я купил стол*. *Стол мне доставят на дом*. чувствуется разница между неопределённостью стола в первом предложении и определётельностью стола во втором. Во втором предложении уже точно установлено, что речь идёт о столе,

который я купил. Иными словами, в вышеприведённых русских предложениях наличествует понятие определённости на уровне плана содержания; но отсутствие соответствующей материальной оболочки мешает признанию существования грамматической категории определённости в русском языке. В английском, немецком, французском и других языках наличие связи между значением определённости/неопределённости и материальной оболочкой *the/a; der/ein; le/un* является достаточной основой для признания знакового характера данных морфем. Следовательно, в русском языке нельзя говорить о категории определённости существительных, а в английском, немецком, французском и др. — можно.

Из рассмотренных примеров видно, что знак порождается связью между выражением и содержанием. Выражение и содержание солидарны — они необходимо предполагают друг друга. Определённое выражение есть выражением постольку, поскольку это выражение содержания, а содержание является содержанием постольку, поскольку это содержание выражения. Поэтому, за исключением случаев искусственной изоляции, не может быть содержания без выражения и выражения без содержания.“ (Л. Ельмслев 1960:307)

Однако, обращает на себя внимание, что до известной степени звуки языка ассоциативно связаны с незвуковыми представлениями. Так например Рэмбо в своём сонете *Voyelles* даёт следующую характеристику гласных:

„A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu; voyelles,
Je dirai quelque jour vos naissances latentes.“

(Rimbaud)

В конечном счёте синестезии подобного типа являются основой звукописи, „где звук то голубой, то синий, то чёрный — то красный“ (ср. также Панов 1966):

„Воо-воя — зелень дерева,
Нижеоты — темный ствол,
Мам-з-ам — это небо,
Пучь и чани — черный грач.
...
Лели-лили снег черемух,
Засноняющих винтовку,
Чичечача — шашки блеск,
Бляэззай — аль знамён,
Зизэззгой — почерк клятвы.“

(В. Хлебников; Зангези)

Естественный материал плана выражения (т. е. бесконечное количество возможных звуков, производимых органами речи человека) используется в разных языках по-разному: отдельный конкретный язык упорядочивает данный звуковой материал по своему и группирует его в свою систему фонем. Для примера достаточно обратиться к характеристике гласных или согласных систем двух (или больше) разных языков, ср. напр. сложную систему гласных в английском и сравнительно простую в чешском языке. Разницу в использовании одинакового звукового материала можно с особой наглядностью продемонстрировать на отражении звуков животных в звукоподражательных междометиях, хотя, как известно, закономерности в области междометий обладают определённой спецификой (Реформатский 1966). Русская собака „скажет“ *гав-гав*, чешская „говорит“ *haf haf*, английская *bow-wow*, немецкая *wai wai* и т. д. Русское *кукареку* надо перевести на язык чешского петуха как *ku-ku-ku-ku*, на язык английского как *cock-a-doodle-doo*, японского как *kokekoko* и т. д., ср. также рис. 1.

В таком смысле, в каком это было указано выше, изо всего разнообразия звуков, которые можно произнести органами речи, для каждого языка выбирается и используется только ограниченное количество звуков, организуемых в особую и только данному языку свойственную систему.

Подобным образом упорядочивается и естественный материал плана содержания (т. е. явления действительности, с которыми сталкивается данное человеческое общество), этот материал группируется в свою систему единиц значения. Факты действительности, существующей независимо от человека и человечества — реальные и объективные. В процессе становления конкретных значений (понятий) носители языка оказываются перед необходимостью отбора определенных сегментов объективной действительности. Цветовые тона радуги во всем мире одинаковые и одинаково распределённые, но всё-таки разные языки по-разному выбирают из непрерывной последовательности радужной гаммы свои специфические сегменты. Это возможно потому, что в любом месте спектра разница между двумя смежными цветами незначительна. Явление объективной действительности, в нашем случае цветовая гамма, носит непрерывный характер. В языке она представлена серией отдельных названий (по-разному упорядоченных в разных языках). Так, например, чешскому *modrý* соответствует русское *синий* и *голубой*, английскому *yellow* — *orange* — *red* соответствует только одно слово *zřga* в языке баска (Либерия).

Другой пример. Известно, что временное расчленение суток в разных языках проводится по-разному, ср. рис. 2.

Если иметь в виду, что каждому из вышеприведённых языков свойственно своё членение суток и что данные отрезки времени или вообще несовпадают, или совпадают только частично, то, очевидно, словарные уравнения типа *ráno = утром; (to) night = (dnes) v noci* и т. под. надо уточнить более конкретной информацией об употреблении этих слов в данных языках. Пригласив русского прийти утром, нельзя ждать его в 7.00 часов. Совершенно приемлемое

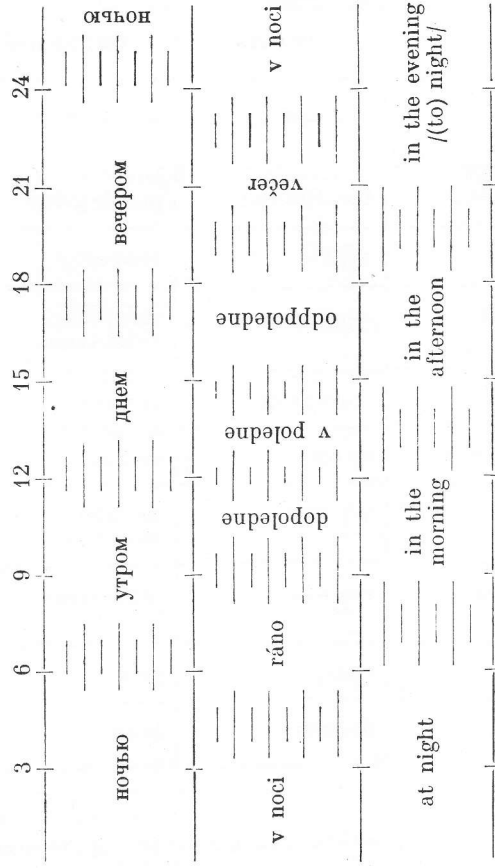

Рис. 2. Временное членение суток в русском, чешском и английском языках.

русское предложение *Zahodíte utrechkom, časov v odinadcaty nelya perevodit na cheskiy, polzuyus' slovom ráno*. Дословный перевод английского *What are we going to do tonight?* на чешский язык вызовет совсем не те ассоциации. Число подобных примеров можно увеличить.

1.21 ФИГУРЫ И ЗНАКИ

Элементы как плана выражения, так и плана содержания характеризуются особым отбором из массы звуков или обобщающих значений. И те и другие представляют собой односторонние, моноплановые единицы, которые можно назвать фигурами (Ельмслев 1960). Минимальные единицы плана выражения (не связанные с элементами плана содержания) — это фонемы. В языке они функционируют как более нерасчленимые единицы, составляющие звуковую оболочку более сложных единиц. Для обозначения минимальных единиц плана содержания (напр. значение несовершенного вида, значение женского рода и т. д.) общепринятого термина не существует. Их можно соотносить с разными элементами человеческого опыта.

Односторонним единицам — фигурам — противопоставлены знаки, которые можно определить как двусторонние единицы. Любой языковой знак порождается соединением элемента плана выражения (означающее, *signans, signifiant*), посредством которого происходит реальная манифестация знака, с элементом плана содержания (означаемое, *signatum, signifié*) (ср. также Соссюр 1933; Ельмслев 1960; Мартине 1963). Существование автономных лингвистических знаков не подвергается сомнению, хотя различные направления современной лингвистики или проводят, или не проводят разграничение между грамматическими и лексическими знаками. Излагая только самые основные принципы языковой структуры, хватит отметить только двусторонний характер знаков и, в частности, указать на различие между морфемами и словами. Морфемы — это минимальные двусторонние единицы языка, их нельзя трактовать как последовательность двух или больше знаков. Звуковую оболочку морфемы {*stol*} можно разбить в отдельные фонемы, /*s-t-o-l*/, не обладающие значением; но морфеме {*stol*}, как двустороннюю единицу, на последовательность более мелких значимых единиц разложить нельзя. Невозможно разбить морфему {*stol*} напр. в единицы /*st*/ и /*ol*/ и предполагать, что первая из них /*st*/ наделена значением „ножки“ и вторая /*ol*/ значением „доска“. В отличие от морфем слова могут или состоять из одного простого знака (морфемы) (*za, da, no* и т. д.), или из ряда простых знаков (морфем) (напр. *star-ik-i, del-a-a-a, stol-ø* и т. д.).

Отсюда следует, что при анализе и описании языка самыми основными единицами, имеющими большое теоретическое и практическое значение, являются 1) фонема, как минимальная единица плана выражения и 2) морфема, как минимальная последовательность фонем, сторонняя единица, т. е. минимальная последовательность фонем, связанная с определённым значением.

1.22 ДИСКРЕТНЫЕ И НЕПРЕРЫВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

О необходимости различать в языке два типа единиц лингвисты двадцатого века (Ельмслев 1960; Mandelbrot 1954 и др.) заговорили не впервые. Уже древнеиндийской лингвистической традицией с IV в. до н. э. различались звуки и их варианты. Авторы разных систем фонографического письма, стараясь передать речь, не пиктограммами или идеограммами, а в её фонетическом облике, также проводили более менее чёткую границу между фонетическими инвариантами и их позиционным видоизменением: так напр. глаголица и кираллица, предположительно изобретённые братьями первоучителями Константином Философом (Кириллом) и Мефодием, передают на письме только фонетические инварианты, оставляя в стороне все многочисленные позиционные вариации звуков.

Сама собой очевидна существенная разница между двумя типами фонетических единиц при наблюдении над многочисленным повторением одного звука, напр. *a*, одним диктором. Каждое *a*, которое он скажет, отличается от всех других долготой, высотой тона, силой и тембром. Очень убедительно можно это продемонстрировать при помощи спектрографического анализа или других приёмов, применяемых экспериментальной фонетикой. Акустические спектры двух *a* наглядно показывают разницу в частоте колебаний, амплитуде, формах и т. д. даже в таких случаях, в которых человеческое ухо не регистрирует никакой разницы. Но всё-таки мы принимаем эти разнообразие звуки именно как повторение одного и того же. Для слушателя, воспринявшего всевозможные варианты, образующие непрерывный ряд звуков, ясно, что во всех этих случаях он „слышал“ именно *a*, а не *o*/ или *e*/ и т. д. Один тип единиц очень изменив, с постепенными незначительными переходами между единицами — такие единицы мы будем называть непрерывными. Во втором типе единиц не существуют степени различности, существует только идентичность или различие — сходство или несходство — такие единицы называются дискретными.

1.3 ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ

Перенос информации от одного члена коллектива к другому представляет собой сложнейший процесс, поступающий от нервных импульсов через построения и движения органов речи, акустический эффект и процессы в улитке человеческого уха опять к нервным импульсам.

Информация на всём протяжении процесса коммуникации остаётся (относительно) инвариантной, не изменяется. Инвариантность информации на всех этапах процесса коммуникации вытекает закономерно из самой цели коммуникации — осуществлять контакт между членами коллектива. Но инвариантную, не изменяющуюся информацию несут на разных этапах процесса коммуникации разные сигналы: нервные импульсы, построения и движения органов речи, форма звуковой волны и т. д. Во всех этих промежуточных кодах содержание знаков остаётся релятивно без изменений, но выражение резко изменяется.

1.31 ЭТАПЫ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ

Процесс коммуникации осуществляется в ряде последовательных этапов: 1) Говорящий выбирает сообщение, подлежащее передаче. 2) Говорящий трансформирует данное сообщение в ряд акустических сигналов. 3) Сигналы в форме звуковой волны доносятся до слуховых рецепторов собеседника. 4) Собеседник воспринимает слухом звуковую оболочку сообщения. 5) Собеседник ассоциирует воспринятую звуковую оболочку сообщения со связанным с ней условным значением.

Каждый из вышеприведённых пяти этапов можно разбить на последовательные более мелких. Так напр. второй этап можно детализировать на: а) двигательную активность нервных проводящих путей, управляющих органам речи, б) положение и движения органов речи, в) акустические свойства источника голоса и системы резонаторов, образующих полостями речевого аппарата (ср. также Жинкин 1958; Фант 1964).

В третьем этапе процесса коммуникации происходит иногда желательное: в поток звуков речи вмешиваются посторонние звуки (напр. шум улицы, музыка, разговор других лиц и пр.). Такие помехи искажают до известной степени звуковую оболочку речи. Но если это искажение не достигает определённого предела, оно не нарушает понимание значения сообщения.

В простейшем виде схема процесса коммуникации представлена на рис. 3.

В случае разговора на естественном языке говорящий представляет собой обе системы кодирования (и систему отправителя и систему передатчика). Память говорящего можно соотносить с источником сообщений, и речевой аппарат (в широком смысле слова) можно соотносить с передатчиком. Приёмник, который в слу-

чае разговора на естественном языке можно соотнести с механизмом приёма речи слушателя (с его слуховым аппаратом), обратно трансформирует сигнал в сообщения, которые могут быть приняты получателем (получатель можно соотнести с памятью слушателя).

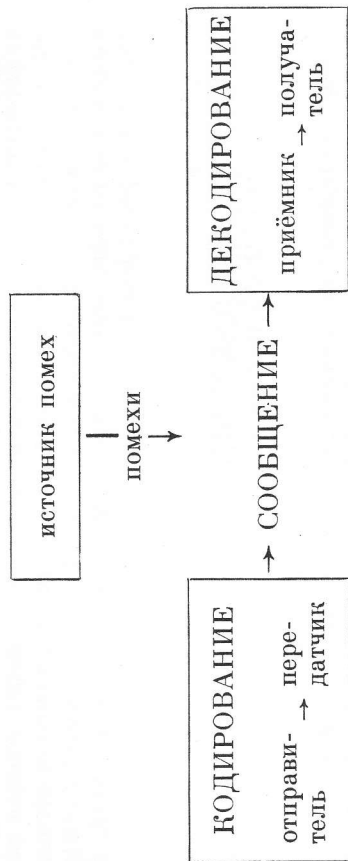

Рис. 3.

Процесс коммуникации.

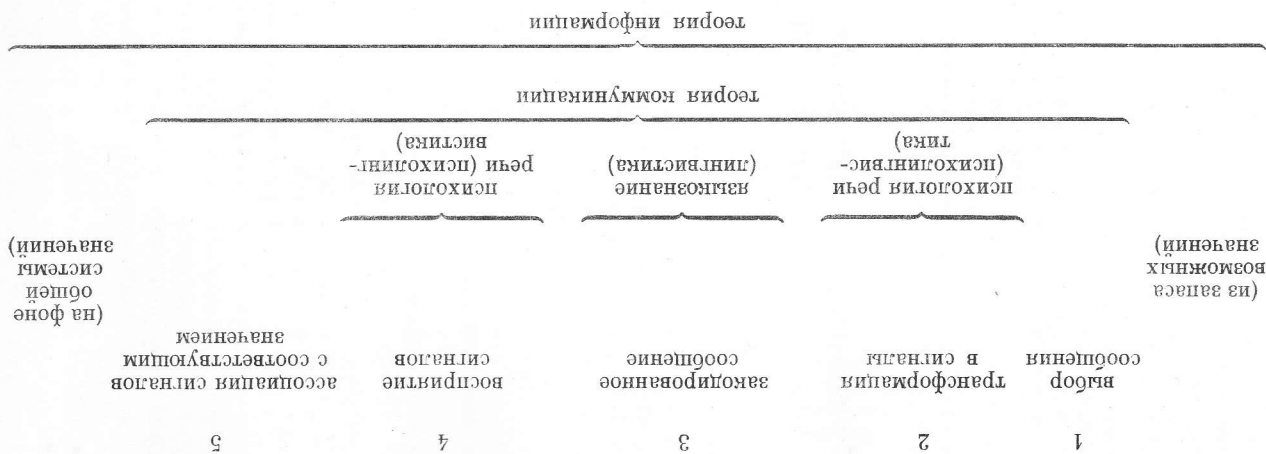
Участвуя в процессе коммуникации, каждый индивид принимает в свою очередь то роль говорящего, то роль слушателя, т. е. занимается то кодированием, то декодированием. Только овладев всеми промежуточными кодами данного языка, он может участвовать в процессе коммуникации без препятствий.

1.32 НАУЧНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ ИЗУЧАЮЩИЕ КОММУНИКАЦИЮ

Для лингвистов первой половины двадцатого века центральной являлась проблема структуры языка. Отсюда перекраивается внимание к проблемам грамматики и фонологии. Только относительно недавно учёные стали направлять усилия на многообразные задачи, вытекающие из понимания языка как средства коммуникации. Следует подчеркнуть бурное развитие теории информации, психолингвистики, социолингвистики и других наук, занимающихся изучением процесса коммуникации или отдельных его фаз. В рис. 4 указывается, какие дисциплины занимают анализом определённых фаз процесса коммуникации или процессом коммуникации на всём его протяжении.

Языкознание (лингвистика) изучает структуру языковой системы, кода, на основе которой строятся индивидуальные сообщения.

Рис. 4.
Фазы процесса коммуникации и дисциплины изучающие их.

В обширной области языкознания есть место для самых разнообразных подходов: фонетика изучает план выражения в его звуковой разновидности; графика и орфография его письменную разновидность; семантика изучает структуру плана содержания (она тесно связана с лексикологией, ограничивающейся изучением лексических значений и их звуковых оболочек, и с грамматикой, обрабатывающей своё внимание на морфологические и синтаксические правила строения сообщения из лексических единиц); стилистика изучает закономерности выбора одного из нескольких возможных способов выражения той же информации и т. д.

Психология речи и психолингвистика (Kainz 1944—1956; Жинкин 1958; Osgood — Sebeok 1965; Кожевников—Чистович 1965; Miller 1968 и др.) изучают процесс речеобразования (кодирования) и речевосприятия (декодирования) и, в частности, процессы артикуляции звуков, восприятия звуков, подбора значимых единиц в процессе кодирования и т. д.

Теория коммуникации изучает процесс передачи информации на всём её протяжении. В 1948 году заложена математическая теория информации (Shannon 1959) позволяет объективно оценивать количество информации, содержащейся в любом сообщении. Эта теория нашла отклик среди учёных самых различных специальностей: биологи стали говорить о количестве информации, содержащейся в нуклеиновых кислотах, носителях наследственной информации в организме, лингвисты начали спорить о том, сколько информации несёт одна буква языка и т. д.

1.4 ЯЗЫК, РЕЧЬ И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Липо, вступающее в коммуникацию, имеет в своём распоряжении набор системно упорядоченных элементов разных уровней. Из инвентари языковых элементов говорящий производит отбор единиц, которые отвечают потребностям данного сообщения, и на основе определенных правил сочетает их, из них он составляет сообщение.

„Традиционное противопоставление языка и речи может быть выражено также и противопоставлением между кодом и сообщением, причём код понимается как организация, на основе которой возможно составление сообщения и путём сравнения с которой всех единиц сообщения распознаётся смысл последнего“ (Мартин 1963:389).

Исходным материалом для всякого лингвистического анализа является речевая цепь, та конкретная последовательность знаков, которую представляет ряд звуков, производимый говорящими, или ряд букв, написанный писателем. Наблюдая речь, мы убеждаемся в её вариативности: любое предложение может быть произнесено в десятках разных производительных вариантов (с разной

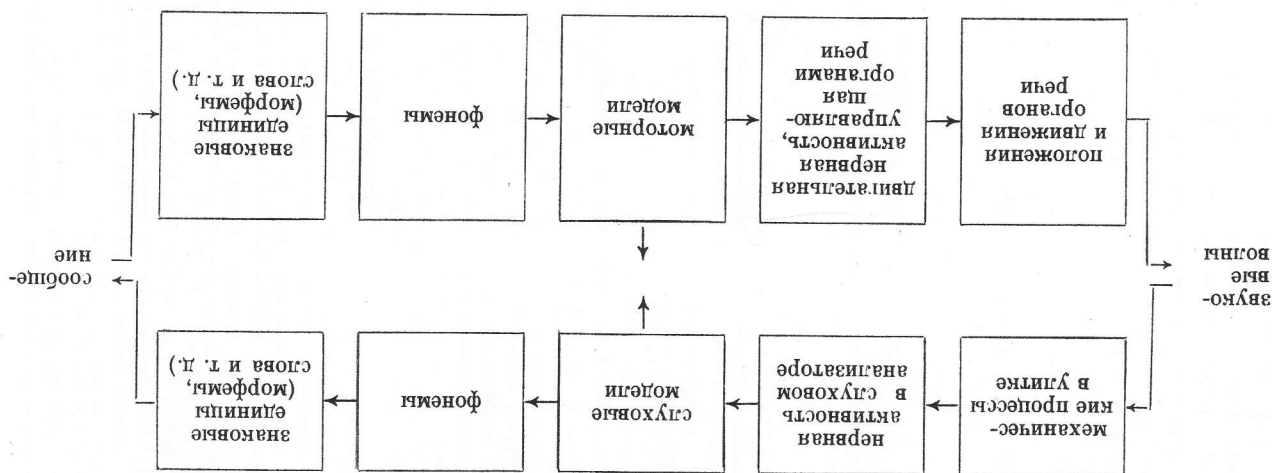

Рис. 5.
Схема фаз речеобразования и речевосприятия.

быстро, громко или шепотом, выразительно или небрежно и т. д.), но в речи также обнаруживается что-то постоянное. При повторении предложения мы стараемся сохранить то постоянное, что существенно для передачи информации; при подражании мы стремимся к воспроизведению нестойкого, индивидуального. Нестойкое, вариатное в сообщении можно соотносить с непрерывными единицами языка, постоянное, инвариантное — с дискретными.

Речь (сообщение) представляет собой конкретизацию языка (кода). Язык — это явление независимое от индивидуума, это абстрактный, социально обусловленный и систематически упорядоченный набор дискретных элементов (фонем, морфем и т. д.) и правил, по которым эти элементы сочетаются.

Речевая деятельность, в отличие от языка и речи, которые по своей природе статичны, динамична и протессуальна. Психологические процессы создания или расшифровки сообщения (речи) на основе кода (языка) напрямую связаны с речевой деятельностью, которая таким образом включает речеобразование (процесс кодирования, составления сообщения) и речевосприятие (процесс декодирования, расшифровки сообщения).

Промежуточные коды речеобразования соотносительны с промежуточными кодами речевосприятия, их взаимосвязь в мозгу одного индивидуума обеспечивает тождество языковых единиц и, в конечном счете, возможность передачи информации между говорящим, активизирующим свою речеобразовательную систему, и слушателем, активизирующим свои механизмы речевосприятия. Соотношение в работе речедвигательного и слухового механизмов осуществляется, согласно моторной теории речевосприятия (Liberman—Cooper—Harris—MacNeilage 1963), на уровне слуховых и моторных моделей, ср. рис. 5.

Моторная теория восприятия звуков исходит из предположения, что образование системы звуковых стереотипов онтогенетически происходит при помощи обратной связи, афферентаций от всех мышечных синергий, принимающих участие в произнесении. Это дает основание полагать, что, услышав тон или звук речи, которому предшествовало соответствующее речеведение при произнесении (т. е. такой тон или звук речи был заранее уже образован, напр. в периоде т. наз. детского лепетания или при первоначальном управлении в произношении звуков неродного языка), человек сравнивает слуховую модель с моторной, в результате чего он может идентифицировать услышанный тон или звук речи. При произношении, наоборот, работа речедвигательного механизма контролируется слухом (Жинкин 1958, Olivenius 1968a, 1969; Olivenius—Ries 1968—9). Таким образом речевая деятельность всецело обусловливается имманентной связью слухового и речедвигательного анализаторов: без слуха мы не могли бы воспринимать звуковую речь и без активного произношения звуков мы не могли бы развивать речевую слух.

1.5 ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И „АКЦЕНТ“

Сопоставляя ошибки, допускаемые англичанами, немцами, французами, шведами, чехами, поляками, болгарами и т. д. при изучении русского языка, нетрудно убедиться в том, что каждому народу свойственны свои, от всех других отличающиеся отклонения от нормы изучаемого русского языка. Изучая русский язык, англичане, французы, чехи и остальные народы говорят со

„своим“ акцентом. Нет необходимости доказывать, что разница в акценте связана прежде всего с разницей двух языковых систем, имеющих место в процессе обучения: прочно усвоенной системы родного языка и шаткой, пока неувоенной, системы изучаемого неродного. Нельзя, конечно, отрицать и определенное влияние разных методических подходов (применение языковых лабораторий в одной стране, направленность методики на грамматику и чтение текстов в другой и пр.); но рассмотрение этой проблематики выходит уже за рамки настоящего пособия.

1.51 СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Подытоживая рассмотрение проблемы „акцента“, можно прийти к следующему выводу: Существует сильное влияние прочно усвоенной системы родного языка на систему изучаемого неродного, которое проявляется на всех уровнях (фонетическом, грамматическом и лексическом). „Звуки чужого языка человек слышит“ сквозь призму фонологической системы родного языка. Это касается всех явлений звучащей речи: и фонем в их артикуляционно-акустических характеристиках, и их появления и повеления в тех или иных позициях, и в ритмике слова, и в интонации фразы. ... Исходя из всех указанных соображений, можно утверждать, что главная трудность при обучении произношению чужого языка — не овладение чужим, а борьба со своим. Для овладения чужим надо прежде всего оттолкнуться от своего.“ (Реформатский 1961:68; 1970:508). Следовательно, сопоставительный анализ родного и изучаемого неродного языков является делом первостепенной важности для преподавания иностранных языков. Учебные пособия и приёмы преподавания русского языка должны опираться на результаты серьёзной лингвистической работы по анализу явлений русского языка в сопоставлении с явлениями родного языка учащихся. Следует отметить правильность стремления подыти к сопоставительному анализу с учётом системного характера языковых явлений во избежание случайных наблюдений типа: „Русское мягкое *эль* представляет собой определённую трудность, так как в чешском языке мягкого *эль* нет.“

Сопоставляя звуковую сторону русского и чешского языков, необходимо обращать внимание как на сходные, так и на различные явления, выявляя не только их инвариантные, но также их вариатные, позицией вызванные, особенности. Итак, сопоставляя вокалические системы русского и чешского языков, надо указать

на их частичное сходство: и в том и в другом языках имеется пять гласных фонем — каждая из пяти чешских сверху того может быть или краткой, или долгой. Такое сопоставление затрагивает только инварианты гласных, т. е. элементы кода. Но, как известно, существует глубокое расхождение обеих вокалических систем: пять русских гласных фонем реализуется в большом количестве редуцированных и смягченных вариантов, отсутствующих в чешском языке. Только сопоставление на уровне сообщения (речи) может раскрыть различия в позиционной вариатности гласных фонем в обоих языках, что очень важно для управления процессом обучения звуковой стороне изучаемого неродного языка.

Правильная дистрибуция позиционных вариантов фонемы зависит от закономерностей речедвигательных механизмов данного языка. Нет сомнения, что сопоставительная характеристика речевой деятельности — необычайно сложное дело, требующее не только специальных разысканий, но и выработки самого методологического принципа подхода к этой задаче. Бесспорно, однако, что уже пришло время указать на некоторые возможности сопоставительного анализа речедвигательных механизмов двух языков. Такое сопоставление может оказаться очень важным и полезным именно в области генерирования гласных в русском и чешском языках. Организация временной программы синтагмы и, в частности, так наз. генератор ритма (Кожевников — Чистович 1965:120), может помочь при рассеянии почти полной неосведомленности большинства методистов в вопросе о эффективности методов и приёмов обучения системе гласных русского языка.

1.52 ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОВОЙ ОБОЛОЧКИ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Действительность подтвердила неоднократно выдвигаемый тезис о важности правильного овладения фонетической системой в процессе изучения иностранных языков. Сейчас уже едва ли кто будет оспаривать необходимость уделять должное внимание работе над произношением и слушанием. Когда пишут о целях обучения русскому языку, то в качестве одной из основных целей обычно указывают на практическое овладение языком в такой степени, чтобы обучающийся был в состоянии пользоваться русским языком в нормальном непринуждённом разговоре, при чтении (и слушании) доклада и т. д.

Но упрощённое толкование вопросов так наз. фонетического

минимума остаётся даже в последнее время очень популярным. Некоторые методисты считают, что самыми трудными для усвоения являются те звуки неродного языка, которые наиболее отличаются от звуков родного языка. Конечно, учитывать степень различия звуков при сопоставлении совершенно необходимо. Однако здесь следует соблюдать осторожность: звуки неродного языка, не имеющие соответствий в родном, не сопряжены с непропорциональными трудностями при изучении. „Более трудными оказываются для учащихся такие иноязычные звуки, которые очень близки к звукам родного языка. Объясняется это тем, что с самого начала действия раздражителей порог различения бывает довольно большим и уменьшается он только в результате практической тренировки.“ (Беляев 1965:137).

Итак, на вопрос, начинать ли обучение произношению с похожих или несхожих звуков, может быть лишь один ответ: начинать с наиболее отличающихся явлений.

В последние годы при теоретическом рассмотрении фонетической системы русского языка получили широкое распространение взгляды, согласно которым необходимо уделять соответствующее внимание также динамике, ритму и мелодии русской речи. Недостаточное внимание к этому аспекту русской фонетики можно очень легко продемонстрировать на целом ряде пособий (не исключая академическую грамматику, разные общие пособия предназначенные для вузов, специальные пособия по фонетике и т. д.), которые совсем не упоминают про динамику, ритм и мелодию русского языка. Это отражается негативно также на уровне овладения русским языком нерусскими. Однако, в современных пособиях (Рiѓиѓић ићићиће гуѓићу про Сесу I; Брызгунова 1963; и др.) уже включены главы, посвящённые характеристике этих очень важных явлений.

Если исходить из выше отмеченных принципов (цели обучения, сопоставительного анализа и т. д.), едва ли может быть сомнений о том, что к важнейшим явлениям, подлежащим усвоению, относятся: динамика и ритм (т. е. сила русского ударения и с ней связанная редукция), мелодия, твёрдость-мягкость согласных (и от этого зависящее продвижение вперёд или смягчение соседних гласных), двойные согласные и разные фонетические процессы, особенно ассимиляция и диереза.

Однако, целью обучения звуковой стороне неродного языка (т. е. произношению и слушанию) нельзя считать только достижение определённого уровня правильности в произношении и способности понимать разговорную речь на слух, а также — может быть и главным образом — усвоение основных методов дальнейшего улучшения студентом собственного произношения.

аппарата, в котором выделяются четыре полости: 1) полость рта, 2) полость глотки (фаринкс), 3) полость носа и 4) гортань (рис. 1).

Все органы речи делятся на активные и пассивные в зависимости от их роли в процессе звукообразования.

Активные органы — это те органы, которые при образовании звука находятся в движении. Активными органами могут быть язык, который прикасается к различным частям нёба и к зубам, губы, нёбная занавеска (мягкое нёбо и маленький язычок — uvula), голосовые связки, задняя стенка глотки.

Пассивные органы — это органы, которые при образовании какого-либо звука остаются неподвижными. Пассивными органами являются зубы (нижние и верхние), альвеолы, твёрдое нёбо. Пассивные органы являются точками опоры для активных органов: при артикуляции русского согласного [т] (в русск. транскр. [т]) активный орган (язык) приближается к пассивному органу (зубам) и смыкается с верхними зубами.

При артикуляции отдельных звуков подвижные органы могут выполнять пассивную роль. Так, например, при произношении русского звука [б] (в русск. транскр. [б]) активно работает нижняя губа и остается пассивной верхняя.

В речевом аппарате можно выделить три главные части в зависимости от их роли в звукообразовании: 1) дыхательные органы, 2) гортань, 3) надгортанные полости (см. рис. 1).

Дыхательные органы состоят из легких, бронхов, трахеи. Основания легких лежат на диафрагме (мышечной пластине), которая способствует работе легких. При вдохе легкие расширяются, впуская воздух, при выдохе они выпускают воздух через дыхательное горло. Говорение происходит при выдохе. Функция дыхательного аппарата в образовании звуков речи состоит в том, чтобы подавать воздух, необходимый для образования звуков.

Воздух при выдохе проходит через гортань. Гортань состоит из хрящей, соединенных мускулами и связками и представляет собой широкую трубку.

Самая важная для речевого процесса часть гортани — голосовые связки. Это мускульная пленка, прикрепленная к хрящам так, что образуется голосовая щель. Когда человек молчит, голосовая щель открыта; когда человек говорит, голосовую щель закрывают голосовые связки, которые могут натягиваться и дрожать от колебания воздуха, в результате чего и образуется голос. В зависимости от положения голосовых связок и хрящей воздух, проходя через щели, может способствовать как образованию голоса, так и образованию шума [8, с. 160 — 161].

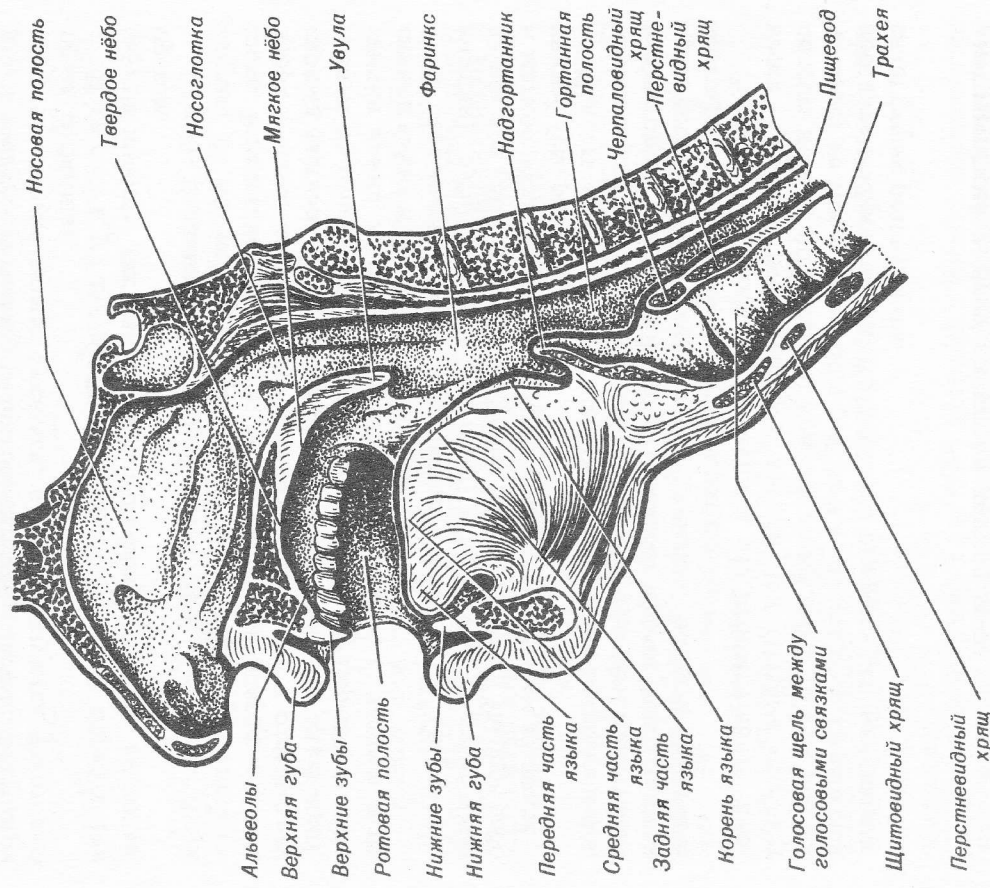

Рис. 1.
Схема речевого аппарата.

Таким образом, основная функция гортани — образование голоса. Из гортани воздух попадает в надгортанные полости и — это полости глотки, рта и носа.

Полость глотки находится над гортанью, за полостью рта, и является резонатором при образовании гласных. Благодаря тому что глотка может сужаться, в ней образуются некоторые шумы согласных.

Полость рта — наиболее существенная для образования звуков полость, так как в ней расположены основные активные органы.

Самый подвижный и гибкий орган речи — язык. Язык состоит из множества мышц, действующих в разных направлениях. Вследствие этого язык может двигаться вперед и назад, вверх и вниз, причем не только всем телом, но и отдельными своими частями. Тело языка (в лингвистических целях) подразделяют на отдельные зоны: а) кончик языка, б) переднюю часть спинки языка, в) среднюю часть спинки языка, г) заднюю часть спинки языка и д) корень языка (см. рис. 1).

В образовании звука принимают участие губы (верхняя и нижняя), зубы (верхние и нижние) и альвеолы. За альвеолами начинается нёбо. В лингвистических целях различают твердое нёбо и мягкое нёбо. Мягкое нёбо заканчивается маленьким язычком — увулой (см. рис. 1).

Полость рта благодаря подвижности органов произношения, находящихся в ней, может менять свою форму и объем и служить резонатором при образовании гласных. Кроме того, органы произношения образуют на пути движения воздуха различные преграды, в результате чего возникают шумы.

Полость носа отделена от полости рта нёбом. Нёбная занавеска — мягкое нёбо вместе с увулой при подьеме отделяет полость носа от полости рта; при опускании мягкого нёба воздух попадает не только в полость рта, но и в полость носа, окрашивая носовым тембром звуки. Полость носа является неизменяющимся по форме резонатором.

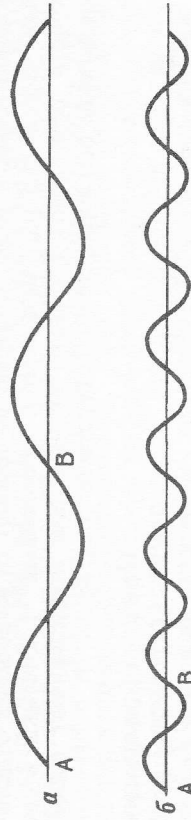
АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ

С точки зрения акустики, звуки речи, так же как и всякие другие звуки, — результат колебательных движений упругой среды. Вследствие таких колебаний образуется звуковая волна (рис. 2).

Человек, выдыхая воздух, может приводить в колебание голосовые связки и воздух в резонаторах, сообщая колебание

частицам воздуха, которые, достигая барабанной перепонки уха, создают слуховой образ звука.

Звук речи, как всякий звук, имеет высоту, которая зависит от количества колебаний в секунду, то есть от частоты колебаний (человеческое ухо воспринимает колебания в пределах 16 — 20000 Гц). Чем чаще колебания, тем выше звук (см. рис. 2).

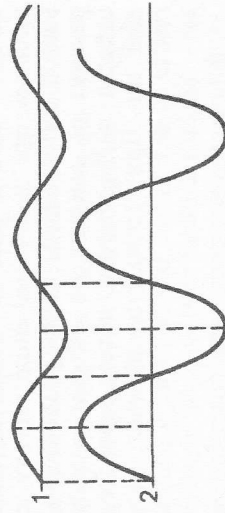

Р и с. 2

Схема звуковой волны: а — низкий тон, б — высокий тон. АВ — длина волны.

Высота тона струны, например, зависит от длины этой струны, от ее напряжения. Высота звуков речи зависит от колебания голосовых связок. Голосовые связки могут изменить свою длину и напряженность благодаря мышцам. С изменением длины и напряженности голосовых связок меняется количество колебаний в секунду и вместе с тем меняется высота тона звуков.

Звуки речи обладают силой (интенсивностью), которая зависит от амплитуды, то есть размаха колебаний (рис. 3). Чем меньше размах, тем слабее звук. Сила звуков речи обусловлена степенью энергии, с которой струя воздуха колеблет голосовые связки или давит на места, где образуется преграда.

Р и с. 3.

Схема волн слабого (1) и сильного (2) тона.

Звуки речи имеют тембр⁹, который в физике определяется как звуковая окраска, характерная для каждого голоса или инструмента. Тембр обусловлен количеством и силой обертонов¹⁰. Обертоны придают звуку дополнительную окраску, которая называется тембром.

⁹ Тембр (фр. timbre колокольчик).

¹⁰ Обертон (нем. Obertone называют также резонансным тоном, парциальным тоном, побочным тоном).

выбор признака. Гласные нижнего подъема обязательно нелабиализованные. Здесь выбора признака нет: интегральный признак обусловлен дифференциальным. Ряд гласного тоже интегральный признак, он обусловлен позицией — окружением других звуков. Так, [а] выступает в позиции не рядом с мягкими согласными, [ä] — между мягкими согласными; это звуки разных рядов, но они воплощают одну и ту же фонему /а/. Интегральными признаками являются и различия между гласными звуками по подъему внутри трех основных подъемов — верхнего, среднего и нижнего, т.е. различия между [э] и [ë], [о] и [ö], [а] и [ä].

Интегральные признаки несущественны для противопоставления фонем, но существенны в других отношениях. В слове *сад* звук [а] нелабиализованный. Из того, что для /а/ этот признак интегральный, не следует, что его можно менять. Нельзя произнести слово *сад* с гласным нижнего подъема лабиализованным: такого звука в русском языке нет, и слово не будет понято. Точно так же нельзя в этом слове произнести гласный заднего ряда или лабиализованный согласный.

Чтобы определить фонему, необходимо указать набор ее дифференциальных признаков. Чтобы охарактеризовать звуки, воплощающие фонему, необходимо указать все их признаки, в том числе интегральные.

Архифонема

В сигнификативно слабых позициях нейтрализующиеся фонемы перестают различаться. Но в этих позициях сохраняется групповая различимость: пара (или группа) нейтрализующихся фонем противопоставляется другим парам (или группам) фонем либо отдельным фонемам. Так, фонемы /т/ и /д/ на конце слова и перед глухим согласным совпадают в звуке [т], перед звонким шумным — в звуке [д]: *ко[т]* — *ко/т/* и *ко/д/*; *о[т]ключить* и *по[т]ключить*, *о[д]гадать* и *по[д]гадать* — *о/т/-* и *по/д/-*. Но /т/ — /д/ вместе в этих позициях противопоставлены другим парам нейтрализованных по глухости/звонкости фонем: *ко[с]* — *ко/с/* и *ко/з/*, другим фонем: *ко/л/*, *ко/м/*, *ко/н/*. Частичное различение фонетических единиц в этих позициях сохраняется. Языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, состоящих из общей части нейтрализованных фонем, называется *архифонемой*.

Гиперфонема

Чтобы узнать, какой фонеме соответствует звук слабой позиции в данной морфеме, надо изменить слово или подобрать другое слово с той же морфемой, чтобы слабая позиция в ней заменилась сильной. Так, безударный [а'] в слове *д[а']мá* — вариант фонемы /о/. Мы узнали это, изменив слово: *д[о]м*, подобрал другое слово: *д[б]мик*. Звук [л] в слове *зу[л]* — вариант фонемы /б/: *зу[б]ы*, *зу[б]ной*. Поэтому *[да'ма]* — /дома/, *[з'ул]* — /зуб/.

Но в некоторых морфемах такая проверка невозможна. Например, в слове *собака*, *собаковод* первый гласный корня [а'] не бывает под ударением ни в одном однокоренном слове. Эти позиции онно чередующиеся звуки могут быть представителями только фонем /о/ и /а/, но какой из них, решить здесь невозможно. В этом случае выступает гиперфонема /а': с/а'/бака, с/о'/баковод. В слове *стол* звук [с'] может представлять фонемы /с/ и /з/. Проверка невозможна, поэтому в фонематической транскрипции слово записывается так: /с'тол/ или /с'зутол/.

Иногда проверка позволяет ограничить круг фонем, нейтрализующихся в сигнификативно слабой позиции, но не выявляет единственно возможную из этих фонем. Например, в слове *лебедь* ударный гласный [и'] может соответствовать фонемам /и/, /э/, /о/, /а/; проверка двоякая: *леб[']одка* и *леб[']ажий*, преимушеств ни у одной из них нет, поэтому фонематическая транскрипция этого слова /л'эб'од' или /л'эб'(о)ад'/.

Липерфонема — это функциональная единица, представленная в конкретной морфеме одним звуком или рядом позиционно чередующихся звуков, общих в этих позициях для нескольких нейтрализованных фонем, и не приводимая в данной морфеме однозначно к одной из этих фонем.

Фонологические школы

Учение о фонеме лежит в основе фонологии — раздела языкознания, изучающего функциональную значимость звуковой стороны языка. Фонология возникла в России в 70-х гг. XIX в. Ее основоположник И.А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие фонемы, противопоставив его понятию звука. На основе его идей возникло несколько фонологических школ. В настоящее время в России ведущее положение в фонологии занимают два научных направления — *Московская фонологическая школа* (МФШ) и *Петербургская* (Ленин-

градская) фонологическая школа (П(Л)ФШ). Основололожник П(Л)ФШ — Л.В. Щерба, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ. Идеи Л.В. Щербы, высказанные впервые в 1912 г., развивают его ученики и последователи: Л.Р. Зиндер, М.И. Магусевич, А.Н. Гвоздев, Л.В. Бондарко, Л.Л. Буланин, Л.А. Вербицкая, В.Б. Касевич, Н.Д. Светозарова и др. МФШ возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров, продолжая традиции Бодуэна де Куртенэ, опираются на идеи, отразившиеся в его работах разных периодов. На формирование МФШ оказали влияние и взгляды Н.Ф. Яковлева, также разработавшего идеи Бодуэна де Куртенэ. Обобщение, углубление и развитие теории МФШ в виде целостной концепции осуществлено М.В. Пановым. Идеи МФШ развивают и другие ее представители второго и следующих поколений: В.А. Виноградов, К.В. Горшкова, Вал.В. Иванов, М.Л. Каленчук, Л.Э. Калнынь, Л.Л. Касаткин, С.М. Кузьмина, Н.К. Пирогова, Е.Л. Бархударова и др.

Обе школы рассматривают фонему в сигнификативно сильной позиции с одной и той же точки зрения — функциональной. Звуки этих позиций объединяются в одну фонему не на основании их фонетического сходства, акустической или артикуляционной близости, а на основании способности этих звуков различать слова и морфемы. Так, в словосочетании *печь побелили и печь затопили* выступает одно и то же слово *печь* с одним и тем же фонемным составом. Хотя фонема /ч'/ реализуется в первом случае глухим звуком [ч'], а во втором звонким [д'ж'], звуки эти объединяются в одну фонему, так как они выполняют одну и ту же функцию: они способствуют отождествлению одних и тех же слов и морфем и не могут различать разные слова и морфемы. Состав фонем определяется МФШ и П(Л)ФШ по сильной позиции, позиции наибольшего различения. Обе школы исходят из того, что необходимым условием отнесения разных звуков к одной фонеме является их дополнительное распределение в разных фонетических позициях. Кроме того необходимо, чтобы эти звуки чередовались в одних и тех же морфемах.

Основное различие между МФШ и П(Л)ФШ — в оценке звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях. МФШ функциональный критерий распространяет и на эти позиции. Например, в словосочетаниях *гусь пришел и гусь зашел* слово *гусь* имеет один и тот же фонемный состав. Звук [с'] в первом случае и [з'] во втором объединяются в одну фонему /с'/ на основании того, что они выполняют одну и ту же функцию. Они не различают данные словоу-

потребления: это одно и то же слово, а выбор [с'] или [з'] позиционно обусловлен. Отсюда следует вывод: фонему представляет весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков. Эти звуки могут быть совершенно непохожи друг на друга, фонетически несходны, фонему может представлять и нуль звука.

П(Л)ФШ к одной фонеме относит только часть позиционно чередующихся звуков. Для сигнификативно слабых позиций П(Л)ФШ выдвигает иной критерий, чем для сигнификативно сильных, — общность у звуков слабых позиций со звуками сильных позиций фонетических признаков, определяемых по сильной позиции как дифференциальные. По теории П(Л)ФШ в слове *гусь* в словосочетании *гусь пришел* [с'] является аллофоном /с'/, а в словосочетании *гусь зашел* [з'] — аллофон /з'/. Основанием для этого является то, что у звука [с'] в *гусь пришел* те же фонетические признаки, что и у звука [с'] в словах *гуси, сено* и т.п., где [с'] выступает в сильной позиции, а у звука [з'] в *гусь зашел* те же фонетические признаки, что и у звука [з'] в словах *зима, взять* и т.п., где [з'] выступает в сильной позиции. Таким образом, фактически выдвигается требование определенной фонетической близости звуков сильных и слабых позиций.

Точно так же в слове *вода* [ва'да] по теории МФШ предударный [а'] является представителем /о/, так как в сильной позиции в этом корне выступает [о]: [вoды]. В этих формах наблюдается чередование звуков [а'] || [о], но фонема, реализованная этими звуками, одна — /о/. По теории П(Л)ФШ предударный [а'] в слове *вода* является аллофоном /а/ || /о/. Отсюда и различия: наблюдается чередование фонем /а/ || /о/. Отсюда и разная фонематическая транскрипция этого слова: /вода/ по МФШ и /вада/ по П(Л)ФШ.

Из различий между МФШ и П(Л)ФШ в фонологических оценках звуков, выступающих в слабых позициях, вытекает и разное представление о степени вариативности фонемного состава морфем. МФШ устанавливает принцип неизменности фонемного состава морфемы при фонетических чередованиях звуков, обусловленных данными позициями; фонемный состав морфем может меняться только при исторических чередованиях. П(Л)ФШ считает, что фонемный состав морфем варьируется и в зависимости от подобных фонетических позиций. Так, фонемный состав предлога *без* по МФШ во всех позициях остается одним и тем же — /б'эз/; по П(Л)ФШ — /б'эз/ *году*, /б'эс/ *толку*, /б'из/ *воды*, /б'ис/ *травы*, /б'из'/ *земли*, /б'ис'/ *семьи*, /б'иж'/ *жалости*, /б'иш'/ *шалости*.

МФШ считает, что множества позиционно чередующихся звуков, представляющих фонемы, в сигнификативно слабых позициях совпадают, пересекаются. В этом случае наблюдается нейтрализация фонем и одни и те же звуки могут относиться к разным фонемам в разных морфемах. По П(Л)ФШ фонемы представляют собой пересекающиеся множества звуков, каждая фонема имеет свой набор аллофонов, отличный от набора аллофонов любой другой фонемы. Нейтрализация фонем рассматривается как неупотребительность некоторых фонем в данных позициях. Так, с точки зрения МФШ глухие и звонкие согласные на конце слова не различаются, нейтрализуются: звук [т] в словоформе *брат* — вариант /т/ (ср. *бра[т]а*), а в словоформе *град* — вариант /д/ (ср. *гра[д]а*). С точки зрения П(Л)ФШ и в словоформе *брат*, и в словоформе *град* звук [т] — аллофон /т/, а фонема /д/ в этой позиции не употребляется.

Определение фонемной принадлежности некоторых звуков с точки зрения П(Л)ФШ представляет трудности. Так, звук [э], встречающийся только в слабой позиции, например в слове *в[э]дóвóз*, в равной степени отличен и от [а] и от [ы] и так же, как они, нелабиализованный. (Одни представители П(Л)ФШ относят его к фонеме /а/, другие — к выделяемой ими, в отличие от представителей МФШ, /ы/.) Для таких случаев вводится еще один критерий: надо посмотреть, на что похож звук при четком проговаривании слова. Так, на месте [э] в слове *в[э]дóвóз* в этом случае произносится [а]. Отсюда вывод: [э] относится к /а/. Однако на месте двух [э], обычно произносящихся в слове *выпытать* [выпéтэг'], при четком проговаривании звучит в одном случае [ы], в другом — [а]. Таким образом, оказывается, что один и тот же звук может относиться к разным фонемам, что противоречит теории П(Л)ФШ.

МФШ решает этот вопрос только на основании соотношения звука [э] с сильной позицией в той же морфеме: *в[э]дóвóз* — *в[ó]ды* — фонема /о/; *вып[э]тать* — *п[ы]тка* — /и/; *выпыт[э]ть* — *пыт[а]ть* — /а/. Имплозивный [т] (*жиле[т] цыгана*) в равной степени отличен от [т] и от [ц]. При четком проговаривании возникнет: *жиле[т] цыгана* и *жиле[ц] цыгана*. И здесь один и тот же звук может быть отнесен к двум разным фонемам — /т/ и /ц/. С точки зрения МФШ, в слове *жилет*, в том числе и в словосочетании *жилет цыгана*, фонема /т/ (ср. *жиле[т]а*), в слове *жилец*, в том числе и в словосочетании *жилец цыгана*, фонема /ц/ (ср. *жиль[ц]а*).

В нашем учебнике описание фонематической системы русского языка дается с позиций Московской фонологической школы.

Пражская фонологическая школа (ПФШ) возникла во второй половине 1920-х гг., основные создатели ее теории — выходцы из России Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон.

Содержание основной единицы фонологии — фонемы — в МФШ и ПФШ различно. МФШ и ПФШ по-разному оценивают и фонологическую сущность звуков, выступающих в позиции нейтрализации. С точки зрения ПФШ, фонема — пучок, сумма дифференциальных признаков. С точки зрения МФШ, фонема — единица языка, представленная множеством звуков, находящихся в дополнителем распределении и чередующихся в фонетических позициях.

Архифонема, с точки зрения ПФШ и МФШ, — это общая часть нейтрализованных фонем. По ПФШ, архифонеме представляют дифференциальные признаки, общие для нейтрализованных фонем. Фонема и архифонема обладают разными наборами дифференциальных признаков, поэтому архифонема — особая фонологическая единица, отличная от фонемы. Так, в словоформах *рот* и *род* один и тот же фонологический состав /роТ/ — фонемы /р/ и /о/ и архифонема /Т/.

С точки зрения МФШ, архифонема представлена звуками, состоящими из общей части нейтрализующихся фонем. Эти звуки обладают тем же свойством, что и звуки, представляющие нейтрализующиеся фонемы в сигнификативно сильных позициях: и те, и другие позиционно чередуются в одних и тех же морфемах. Поэтому и те, и другие звуки относятся к одним и тем же фонемам. Так, фонемный состав слова *рот* — /рот/, а слова *род* — /род/. Таким образом, архифонема не противопоставлена фонеме, а является ее частью.

ПФШ и МФШ сближает идея нейтрализации фонем, которая понимается в обеих школах как снятие противопоставления фонем в определенных позициях. Однако нейтрализация для МФШ — это совпадение фонем в одном звуке в данной позиции, а для ПФШ — это утрата в данной позиции дифференциальных признаков, различающих фонемы. МФШ связывает нейтрализацию фонем с их положением в одних и тех же морфемах, а ПФШ не выдвигает этого условия.

По ПФШ, нейтрализоваться могут лишь фонемы, имеющие общие ДП с противоположными знаками. Так, у фонем /и/ и /о/ нет ни одного общего признака, поэтому противопоставление ударных [и] и [о] (*с[í]ла — с[ó]ла*) и отсутствие их противопоставления в 1-м предударном слоге (*с[и²]л[и]ч — с[и²]л[ó]*) не является нейтрализацией:

в безударной позиции и в том, и в другом слове фонема /и/. По МФШ, здесь обычная нейтрализация, в словоформах $c[ʰo]la - c[ʰi]la$ одна и та же фонема /o/.

Для ПФШ характерна детальная разработка теории оппозиции (противопоставления) фонем и теории дифференциальных признаков, тогда как МФШ основное внимание обращает на теорию позиций, в которых выступает фонема. В основе учения ПФШ — сигнификативная функция фонемы, в основе учения МФШ — перцептивная. Эти школы, описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга. Поэтому теория фонемы должна строиться на синтезе взглядов этих школ. Серьезные шаги в этом направлении были сделаны Р.И. Аванесовым и М.В. Пановым. Данный учебник продолжает эту линию.

Один из основателей МФШ Р.И. Аванесов в рамках этой школы выступил с особым взглядом на фонему. Опираясь на выдвинутое им понятие параллельных и пересекающихся позиционных чередований, Р.И. Аванесов назвал множество позиционно чередующихся звуков, выступающих в позициях максимальной дифференциации (т. е. в сигнификативно сильных позициях), *сильной фонемой*, а множество позиционно чередующихся звуков, выступающих в позициях меньшей дифференциации (в позициях нейтрализации нескольких фонем), *слабой фонемой*. Весь ряд позиционно чередующихся звуков, включающий сильную и слабую фонемы, Р.И. Аванесов назвал *фонемным рядом*.

Таким образом, Р.И. Аванесов выделил важные составляющие всего ряда позиционно чередующихся звуков, показал различие в их функциональных возможностях. При этом он подчеркивал, что состав фонем языка определяется только сильными фонемами. Однако все три новых термина, предложенные Р.И. Аванесовым для названия фонологических единиц, не были приняты большинством представителей МФШ.

М.В. Панов объединил взгляды МФШ и ПФШ в одном фонологическом описании, назвав «московскую» фонему «парадигмофонемой», а «пражскую» фонему «синтагмофонемой». Позднее М.В. Панов в первом значении стал употреблять термин «фонема», а во втором — «дифференциатор».

Синтез взглядов МФШ и ПФШ приводит к следующему определению фонемы: *фонема* — двусторонняя языковая единица, ее *оснащающее* — множество звуков, находящихся в дополнителном расчленении и чередующихся в фонетических позициях, ее *означае-*

мое — набор дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления данной фонемы другим фонемам; этот набор различен в сигнификативно сильных и слабых позициях.

Существуют и другие фонологические школы, в том числе несколько школ в США, которые основной единицей фонологии считают не фонему, а различительный признак. В России эти теории не имеют последователей, которые применяли бы их к описанию русского языка.

Фонетические чередования звуков русского языка

Чередования гласных звуков

Зависимость гласных от соседних согласных

Существенное воздействие на гласные оказывают соседние мягкие согласные, которые вызывают сдвиг артикуляции гласного вперед и вверх. Если записать на магнитофонную ленту произнесение слова *час*, а затем значительно увеличить время воспроизведения этого слова, то легко обнаружится на слух, что гласный на протяжении звучания неоднороден. Отдельные его участки можно обозначить так: [и-э-а-а-а]. Начальный участок гласного сдвинут вперед и вверх. Это результат воздействия вперед стоящего мягкого [ч']. Если так же прослушать слово *мать*, то обнаружится, что вперед и вверх сдвинут конец гласного: [а-а-а-э-и]. Это результат воздействия следующего мягкого [г']. При этом [и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т. е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного. В транскрипции этот сдвиг начальной и конечной фаз гласного обозначается точками у буквы: [ч'ас], [мат']. Между мягкими согласными наблюдается сдвиг вперед и вверх и центральной фазы гласного: [ч'ас']*ть* (часть). Такое же влияние оказывают мягкие согласные и на другие гласные: *под*[н'ос] — [н'ос] — [н'ос']*ит* — *де*[н'оч']*ек*; [лук] — [л'ук] — [л'ук']*и* — [л'ук']*и*. Гласный [и] самый верхний и самый передний, но и он испытывает воздействие следующего мягкого согласного: [и́ва] — [и́в'и] (*ива* — *иве*), перед мягким согласным гласный сдвигается вперед и вверх.